

Мария Конюкова

Ботинки

Рассказ

Ну что за поганый климат в Ленинграде! Не климат, а какое-то наказание господнее, думал Самуил Аронович Задунайский (Задунайский-не-Бендер, как он себя называл), жилистый мужчина лет семидесяти с чем-то. И черт дернул Петра-дурака рубить окно в Европу именно в этом месте! О людях-то надо было подумать! И даже не так страшно, что болота: их-то осушили — кто не знаком с успехами отечественной ирригации! А вот это серое небо, которое прямо на лоб тебе давит.. А слякоть... А влажность... А в мороз из-за этой воды в воздухе еще тяжелее дышать. Самуил Аронович вспомнил, как еще в 80-е ездил с Сережей в Вильнюс на каникулы. Не успели приехать — температура упала до минус двадцати. Самуил Аронович вспомнил, как волновался, что двенадцатилетний сын будет мерзнуть. Тогда, получается, зачем приехали — в номере гостиницы сидеть, что ли?

— И ни фига. Там такой мороз и не ощущается — влажность не та. Мда, не та, — уже вслух добавил Самуил Аронович.

Дело в том, что в последнее время Самуила Ароновича замучил один и тот же сон. Почти каждую ночь ему снилось, что Сережа, сын, мальчик лет пяти, промочил ноги. А они далеко от дома, за городом. Сережа хнычет:

— Папа, у меня ножки мокрые и холодные...

— Сережа, давай я отдам тебе свои носки.

— Нет, твои носки больше. Они в мои ботинки не влезут.

— А если варежки надеть на ноги вместо носков? Тогда тем более ботинки не налезут. Ну что ж, давай возвращаться домой — какая нам радость от прогулки с мокрыми ногами. Черт бы взял фабрику «Скорород»! Хотя, впрочем, если черт возьмет «Скорород», то мы будем ходить или босиком, или в лаптях, или в продукции фабрики «Красный треугольник»: ноги будут сухими, но холодными... — грустно рассуждает Самуил Аронович.

Что делать? Самуил Аронович хватает мрачного, недовольного Сережу за руку, и они, забыв о цели поездки — погулять на свежем воздухе, — идут к вокзалу. День пасмурный, вроде не холодный, небо серое, как обычно. Как

Мария Конюкова — родилась в Ленинграде, закончила Санкт-Петербургский государственный технический университет. Преподает журналистику в петербургских вузах, работает обозревателем петербургского издательского дома «Пресс-курьер» и сайта jeps.ru. Автор книг «Мы — русские: новая энциклопедия русской жизни», «Джентльменский набор» интеллектуала: 30 книг, которые нужно обязательно прочитать» и учебника «Журналистика для всех».

только Сережа умудрился промочить ноги? И вот вокзал в Токсово. Конечно же, обнаруживается, что ближайшая электричка отменена. А следующая — почти через час. Отец и сын заходят в привокзальное кафе. Самуил Аронович во сне чувствует запах опилок, которыми посыпают пол, плохого борща, колбасы, хлорки, отвратительного суррогатного кофе. Запах, который он всегда не любил в России. А теперь он не думает о том, нравится ему запах отвратного общепита или нет. Перед ним Сережа — грустный, недовольный, с замерзшими, мокрыми ногами. Сердце Самуила Ароновича сжимается от этого запаха и от любви к сыну, которые во сне становятся почему-то едины.

И тут он просыпается. Кровать Самуила Ароновича стоит у окна. Он отводит рукой тяжелую бордовую занавеску — Ида, его покойная жена, как всякая уважающая себя ленинградка, любила тяжелые, не пропускающие свет шторы. Уроки белых ночей не проходят даром. Это каждый ленинградец знает...

За окном — чистое, солнечное мичиганское мартовское утро. Самуил Аронович опять сказал вслух — самому себе, поскольку после смерти жены жил один:

— А что удивляться. Мы на широте Сочи!

Он начал собираться — впереди его ждал долгий и нелегкий день. Самуил Аронович в очередной раз негромко пропел давно знакомую частушку:

Дядя Вася из Рязани
Вдруг проснулся в Мичигане.
Вот какой рассеянный
Муж Сарры Моисеевны!

Нельзя сказать, что это его взбодрило, — слишком давно он знал сие четверостишие. И над этой шуткой уже давным-давно отсмеялся.

Самуил Аронович неторопливо надел легкую стеганую курточку, старые свободные джинсы и кроссовки. И подумал, что сейчас в Ленинграде (он упорно так называл давно переименованный город — не от непризнания заслуг Петра, а по старой памяти), наверное, снег с песком, которым посыпают скользкие улицы, превратился в коричнево-белую кашу, которую остроумный Сережа, когда был маленьким, называл «корица с сахаром». Когда мама готовила рогалики с корицей, сын всегда был на кухне. Он макал пальцы в коричнево-белую смесь сахара с молотой корицей и облизывал их. Ида ругалась...

Самуил Аронович торопливо умылся, развел холодным молоком кукурузные хлопья. И съел их, практически не чувствуя вкуса, вернее, не прислушиваясь к вкусовым ощущениям. Так он теперь ел всегда — как будто не ел, а питался, потреблял пищу в целях поддержания нормальной жизнедеятельности организма, нормального функционирования всех его органов и систем.

Самуил Аронович был абсолютно уверен в том, что ему надо быть здоровым, ибо у его жизни была цель. По крайней мере, сегодня.

Самуил Аронович в который раз подумал о том, что, в принципе, он мог бы есть и в общей столовой дома престарелых, которая располагалась на первом этаже десятиэтажного здания. Завтрак там уже начался. Можно было бы вполне подкрепиться теплой овсянкой. Проблема состояла в другом — Самуилу Ароновичу совсем не хотелось встречаться с теми, кого он мысленно называл соседями по Ноеву ковчегу.

Самуил Аронович потреблял хлопья с молоком и занимался аутотренингом. Нет, жизнь в Америке все же чертовски хороша! Взять, к примеру, то место, где он сегодня обитал: дом престарелых. Никаких тебе кроватей со ржавыми железными спинками и провалившимися решетчатыми матрасами,

которые из молодого и здорового — не то что из старого Квзимодо — могут сделать горбуна. Никаких темно-зеленых стен и запаха тушеной кислой капусты (ах, эти ароматы Родины!), никаких грязных коридоров и вонючих туалетов. Маленькая, по российским понятиям, двухкомнатная квартирка. Спальня и гостиная, в которой выгорожен угол под кухню. Плюс санузел. Очень милая хрущевочка! Мечта, а не жилище для пары стариков, которой были Задунайские, пока жила еще Ида. Уголок, выделенный под кухню, обладал странной и смешной чертой. Видимо, в целях экономии строительных материалов он не был наглухо изолирован от столовой-гостиной. Столик стоял около окошка, которое вело из кухни в гостиную. Иногда Самуил Аронович с Идой разыгрывали для самих себя «Сцену у раздачи». Самуил Аронович изображал подвыпившего молодого одессита, который делится с продавщицей пива в розлив историей своей неразделенной любви:

— Ой, вы бы знали, Циля, что это за женщина! Прародительница Эсфирь, а не женщина! Почему она мне вчера сказала: «Фима, как я могу пойти за вас, когда у вас ноги шепелявят?» Нет, ну скажите мне, где они шепелявят?!

— Ой, Фима, я-таки понимаю, как вы ранены. Такие слова из души делают форшмак!..

Самуил Аронович с грустью посмотрел на столовую через окно кухни-уголка и начал собираться. Он взял сумку с ремнем через плечо, положил в нее мешок с тряпками, флакон с моющей жидкостью, пакет с мочалками и набор гаечных ключей. Он надел старую куртку, вышел из квартирки и спустился вниз на лифте.

Он старался проскользнуть мимо столовой незамеченным, но какое там... Попался.

— Муля!

Самуил Аронович терпеть не мог, когда его называли Муля. Представлялся он всем Сэмом. Но неблизких знакомых, которые звали его этим несимпатичным ему лично, уменьшительным, он не исправлял. Задунайский был деликатен и осторожен.

— Муля, постой, я тут тебе хочу рассказать!

Самуил Аронович покорно остановился. Его догнала Цива, очень шумная дама из Барановичей. Цива, в общем, была мила, но обладала двумя серьезными в глазах Задунайского недостатками:

1. Она всегда рассказывала только о себе и никогда не интересовалась жизнью собеседника.

2. После смерти Иды она постоянно пыталась сосватать Самуила Ароновича с разными женщинами. С весьма колоритными особами с просторов бывшего СССР. Уверения Задунайского в том, что пышные плоды страсти навек засохли для него, на нее никак не действовали, поскольку она не имела привычки слушать собеседника.

— Муля, Малка с шестого этажа завтра вечером зовет на банановый кейк! Придешь к семи?

Самуил Аронович не успел ответить, потому что Цивка продолжала рекламировать новую потенциальную пассию Задунайского:

— Ее во Львове звали не Малка, а Марина. Ой, она была такая маникюрша — это вообще! Она маникюр-педикюр делала всему горкому партии!

— А накладные ногти она может сделать? — вежливо осведомился Задунайский.

— Я ж говорю, она педикюр делала всему горкому..

— На ноги делала накладные?! Боже мой, Цива, я не уверен, что мне нужен педикюр. Я же не педик, — нетолерантно и неостроумно скаламбурил Самуил Аронович и представил собственные ноги с накладными ногтями почему-то оранжевого цвета.

Но Цива уже отвлеклась. Она окликнула пробежавшую мимо соседку:

— Рива, ты куда несешься?

— Цива, в «Фармер Джеке» большой сырный сейл.

— Рива, там сыр дают слайсованный или писами можно купить?

— Вроде есть и писами... — на бегу бросила Рива.

— Ленька мой любит сам резать, — сообщила Циля. — Муля, так ты будешь?

— Прости, Цивочка, но у меня сегодня вечером дела.

— Ой, да ты так зачахнешь в одиночестве. Мужчина не должен быть один. Ой, какой Малка делает кейк!..

— Спасибо, в другой раз, — спокойно произнес Задунайский, двигаясь к выходу. Самуил Аронович понимал, что к вечеру у него не будет сил ни на какие визиты: впереди был тяжелый день.

Цива, слава богу, уже отвлеклась:

— Соня! — кричала она. — Ты завтра поедешь в казино? Сема с третьего этажа в прошлый раз выиграл пятьдесят долларов!.. Меховой на углу разорился, там они клиренс делают, норки из кусочков вполовину скинули. Тебе в России никому не надо норку из кусочков?!

Выходя из подъезда, Самуил Аронович подумал: наверное, Сережа уехал обратно от таких, с этой их смесью английского со жмеринским, с этими их «писами», «слайсами» и «кейками». Задунайский был чужд пафосного ощущения собственной национальности. Какой там избранный народ: такие же люди, как все, с их мелочностью, глупостью, пустой суетой. Разные, как и все. Как можно любить или не любить евреев? Ни анти-, ни филосемитов он не понимал. Да, нет среди нас сегодняшних царя Соломона. Хотя если вдуматься, чем был занят царь Соломон? Все тем же: бабы, пьянки, развлечения. А кстати, может, этой Сережиной нужна норка? Надо спросить. Зря не узнал у Цивки, сколько времени там будет клиренс и что за фасоны. У Иды никогда не было натуральной шубы. Они оба как-то не были этим всем озабочены. Была вроде какая-то шубейка из искусственного меха. Задунайский, который в Питере был преподавателем теоретической механики (теормеха) в одном из технических вузов, шутил, теребя рукав Идиной шубки:

— Мех у нас чисто теоретический...

У Самуила Ароновича раньше был старенький «пontiак», но с годами вождение стало даваться ему как-то трудновато. Счастливо избавившись от «лимузина», он теперь рассекал пешком. Ареал старого еврея сужается с годами: это носатое животное способно добывать корм в радиусе двухсот метров от логова, характеризовал свою жизнь Задунайский рассказом в стиле передачи «В мире животных».

Аккурат метров через двести появилась первая цель великого похода Самуила Ароновича. Дом ребецене внешне ничем не выделялся: никак и не подумаешь, что живут люди, близкие к богу. Интересно, почему ребе не пометил никак свою обитель. На крышу хоть бы маген Давид поставил на столбичке. Задунайский усмехнулся собственным богохульным мыслям и постучался. Ребечене открыла дверь.

Самуил Аронович вдохнул запах кошерной пищи — каких-то специй, жареной кури, чеснока — и поздоровался с ребечене:

— Good morning!

— Good morning, — холодно ответила ребечене и равнодушно посмотрела на старика своими маленькими, глубоко посаженными голубенькими глазками. Ребечене привыкла организовывать быт своей большой семьи,

поэтому общалась она чрезвычайно кратко и организованно. Возможно, она не сорила словами, потому что была невысокого мнения об английском Самуила Ароновича.

Она пропустила его в дом. И он принялся за уборку. Вытирая пыль с комода, он в который раз осмотрел фотографии многочисленного потомства миссис Юдит Голдстейн (так звали ребечене). Вот юная и еще довольно тонкая ребечене на собственной свадьбе рядом с бородатым своим ребе. А вот и то, что из всего этого получилось: девять детей. Все они, естественно, пошли по стопам родителей. Сыновья стали ребе, дочери — ребечене. Особо впечатляла саркастичного Задунайского недавняя «общесемейная» фотография. Женщины в чрезвычайно закрытых платьях, и шляпы, и бороды, бороды, бороды мужчин. Как-то в начале их знакомства ребечене провела экскурсию по своему потомству. Пока ребечене сыпала библейскими именами:

— My son Moishaleh, my daughter Rachel, my granddaughter Rebecca, — Задунайский вспоминал Ветхий Завет: «Авраам родил Исаака, Исаак родил...» И как она только не путается в своем потомстве, думал он, отец единственного языка и дед единственной внучки.

Какого-то из бородатых мужчин — Задунайский не запомнил, сына или зятя, она выделила особо:

— Он раввин на Аляске.

Задунайский так и не смог запомнить, кто же из этих одинаковых мужчин служит на Аляске...

Самуилу Ароновичу вспомнилась русская народная сказка. Что-то там про добра молодца, который свою возлюбленную в толпе красных девиц в кокошниках должен был распознать по нитке, торчащей из сафьянового сапожка. Задунайский мысленно стал сочинять еврейскую народную сказку про мудрую Фиру, которая в поисках любви обошла полсвета. И шепнул ей колдун однажды, что в толпе одинаковых черноволосых мужчин в шляпах и лапсердаках своего Хаима она узнает по... Задунайский задумался. Эврика! По рыжему волоску в пейсе!

Самуил Аронович еще раз глянул на семейные фото и подумал, что женщины в этой семье своих мужчин, наверное, отличают именно по эдаким мимолетным, еле уловимым признакам. Наверное, они счастливы, если одного мужа всегда можно заменить на другого...

Уборка подошла к концу. Задунайский позвал ребечене. Она протянула ему тридцать долларов. Самуил Аронович поблагодарил миссис Голдстейн, без удовольствия глянул на ее массивную фигуру — ребечене ему не нравилась, — собрал свои вещи и направился к Лейбовичам.

Ира и Саша Лейбовичи приехали в Америку из Ленинграда еще в конце 70-х. В Америке преуспели. На самом деле преуспели. Оба они были технарями и приехали в США вовремя — именно в тот момент, когда рынок требовал квалифицированных инженеров. Дефицит был восполнен во многом благодаря советским специалистам.

Самуил Аронович уже слегка подустал — только цель его, маячившая совсем вблизи, гнала вперед его длинные жилистые ноги.

Он прошел совсем немного. Скромный район, где «прописалась» ребечене со своим семейством, кончился. Самуил Аронович пересек небольшой парк: боже мой! В Мичигане уже зацветает весна, а на дорогах Ленинграда все еще эта проклятая корица с сахаром... Вот и огромный дом Лейбовичей. Тут уже совсем другой коленкор, подумал в очередной раз Задунайский, стуча в дверь. Ему открыла Ира:

— Сэм, привет! Ты вовремя, как всегда!

Самуил Аронович в очередной раз отметил про себя, что все давние эмигранты русского языка, конечно, не забыли, но интонации переняли совершенно американские — восходящие.

Задунайский вошел в обширную прихожую.

— Кофейку? Чайку?

— Нет, спасибо, сначала дело.

— А потом?

— А потом — давайте.

Самуил Аронович прошел в огромную ванную комнату — одну из трех в доме, где жили вдвоем Ира и Саша. И занялся краном. Ира проследовала за ним.

— Ой, Сэм, Сашка такой безрукий. Ну как не мужик, ей-богу.

— Ира, не гневи бога, он же великий ученый. Знаешь, если он в Ленинграде, да при тогдашнем антисемитизме, смог до доцента дослужиться, это что-то да значит. А про его успехи в Америке не знают только индейцы в резервациях. И то — может, они тоже уже стали интересоваться физическими проблемами передачи сигналов.

Ира кокетливо засмеялась. И добавила:

— Сейчас, когда мы на пенсии, мне хотелось бы, чтобы он еще чего-то по дому делал...

И перевела разговор на другую тему:

— Сэмчик, ну как там твой?

— Ничего, шуршат помаленьку..

— А сюда не собираются?

— Да вроде их и там неплохо кормят...

— Сэм, ты им скажи, пусть приезжают, ты же понимаешь... Мы с Сашей приехали с двумя чемоданами, а видишь, как теперь здесь живем...

Черт, подумал Самуил Аронович, до чего богатые и преуспевающие люди становятся нечутки и бестактны. Почему они, черт подери, считают себя вправе давать советы и бить по самым большим местам?!

Иру было уже не остановить:

— Нет, конечно, в Питере красиво. Но подумать только, у них там сейчас эта снежная каша!..

Черт подери, мысли мои она читает, что ли?!

— А тут все скоро цвести будет. Чем он там занимается?

— Да вроде бизнес у него неплохо идет: шьют всякие аксессуары для мобильных... Дом загородный построил... Жена не работает...

— Ну что это за дело для парня с головой?! Какие-то футлярчики-презервативчики. Почему он уехал? Что ему тут не понравилось, Сэм?!

Самуил Аронович сам не мог ответить для себя на этот вопрос и пожал плечами, одновременно орудуя гаечным ключом. Кран был починен. Что он и продемонстрировал Ире. Они из подвального этажа поднялись на первый.

В огромной кухне, плавно переходящей в гостиную, на стульчике с алюминевыми ножками сидел Саша. Он пил чай, откусывая от конфетки, и смотрел телевизор. Он улынулся:

— Сэмчик, все? Ты гений. Ирка, Сэм — это просто Кулибин какой-то! Сэм, знаешь анекдот. К богатому лоеру приходит пламбер, все ему чинит быстренько. Лоер скрепя сердце отсчитывает пару сотен долларов за какую-то фигню. И восклицает в сердцах: «Я лоер, но на ваши услуги не зарабатываю!» А пламбер — ему: «Я тоже когда-то был лоером!»

Саша в который раз засмеялся над анекдотом. Каждый раз во время визита Самуила Ароновича он рассказывал этот анекдот и каждый раз смеялся над ним, как дитя.

Ира прикрикнула на Сашу:

— Этот анекдот Сэм слышит от тебя уже в десятый раз. Саша, помни, что говоришь людям...

— Да?! — Саша искренне и весело удивился. Он был вообще весел и очень уравновешен — типичный американец.

Задунайскому было наплевать на то, что он слышит анекдот в который раз. Он подумал: господи, как быстро они забывают русские слова. Ну почему они пламбером называют обычного водопроводчика, а лоером — юриста?!

Саша отправил в рот «попку» молочной конфетки и пошел наверх — за деньгами. Дом Лейбовичей состоял из трех спален, двух огромных гостиных, кухни, кабинета, трех ванных с туалетами и тренажерного зала. Жили они вдвоем, и Самуил Аронович, понимая, что недвижимость — самое выгодное вложение средств, все равно не мог взять в толк, зачем им все-таки такой огромный дом. Будь он толстовцем или, на худой конец, марксистом, он бы наверняка подумал что-то вроде: «К чему эта роскошь?!» или: «Зачем это перепроизводство?!». Почему-то эти два вопроса Задунайский про себя произнес с еврейским одесским акцентом, особое ударение делая на звук «р» в слове «перепроизводство»...

Самое поразительное, что при таком просторе Ира вечно не высыпалась: две кошки, жившие у них, ночью гуляли по ней, как она выражалась, «как по Невскому». Если же их запирали на ночь в другом помещении, они орали всю ночь напролет. Маленький, кругленький Саша же все время жаловался на лишний вес, вызванный излишним пристрастием к конфетам и ленью посещать домашний тренажерный зал.

Вернувшись, Саша положил на стол купюру в пятьдесят долларов и две десятки. Задунайский заинтересовался:

— Саша, а не много ли?

— Не сходи с ума! Пламберу я бы отдал, не глядя, полторы-две сотни...

Ира поставила на стол еще две чашки и печенье. Самуил Аронович уселся пить чай с Лейбовичами. И тут Лейбовичи оседлали своего любимого конька: свое отношение к религиозным евреям. Саша начал издали:

— Сэмчик, ты опять чистил авгиевы конюшни наших глубоко праведных соплеменников? И как — чистота физическая, которую ты у них навел, приблизила их еще к богу? Или ближе уже некуда?

— Ой, Саш, не доложились. Но думаю, у них и так с господом вполне интимные отношения.

— Нет, ну скажи мне, если я буду молиться-поститься-есть кошер, я что — стану ближе к богу? А Ирку небеса при жизни примут в свои объятия, если ей на голову нахлобучить парик?

— Ты же понимаешь: каждый сам выбирает свой путь...

— А ей не стыдно, что у нее старый человек убирает дом?

— Саша, ты не прав: я же сам этого хочу и убираю не за «спасибо». Я же и тебе кран починил. И, кстати, тоже не задаром.

— Ну сравнил: кран и уборка двух этажей святых мест! Сколько они тебе заплатили? — бестактно спросил Лейбович.

Самуил Аронович не успел ответить, потому что Ира решила перевести становящийся неприятным разговор на другую тему:

— Сэмчик, слушай, ну что за чудо-«Коровку» делают наши где-то на Брайтон-биче! Обалдеть. Мы с Сашкой такую в «Елисейском» покупали.

Задунайский съел конфетку и согласился с Ирой:

— На самом деле, как в Ленинграде.

Ира, обрадовавшись, что неприятный разговор удалось прекратить, всплеснула руками и воскликнула:

— Сэм, мы же тебе забыли рассказать о самом главном: наша Эрочка поступила на политикал сайнс!

Сэм деланно улыбнулся. Он помнил внучку Лейбовичей, довольно вялую, пухлую девицу, которая практически не разговаривала по-русски и, приезжая в гости к бабушке с дедушкой, сидела на полу у телевизора в одной из гостиных, бесконечно щелкая пультом. Задунайский подумал: да

уж, American political science вряд ли обойдутся без Эрики Лейбович. Политические науки прямо-таки рухнут в преисподнюю без нее! Задунайский сам себя одернул: в конце концов, Хиллари Клинтон — тоже на Элину Быстрицкую не смахивает. И ничего — вполне себе специалист в области political science. И даже успешно применяет свои знания на практике.

Сэм допил свой чай и обратился к Лейбовичам:

— Дорогие, мне пора.

— Сэм, посиди еще, я тут такой русский фильм посмотрел...

— Сашуль, в следующий раз.

Самуил Аронович с трудом разогнул свои длинные, худые ноги и пошел к выходу. Ира пошла его провожать:

— Сэмчик, заходи просто так. Мы тебя и без всяких кранов рады видеть.

— Спасибо. Зайду обязательно.

Дорогу до дома Самуил Аронович преодолел уже с трудом. Он зашел в свою квартирку, как мешок, плюхнулся на диван в кухне-гостиной и просидел без движения с четверть часа. Он устало думал о том, что за чудо-народ евреи. Он никогда не ощущал своей принадлежности к сонму избранных. Ему смешна была гордость многих соплеменников за евреев, к примеру, лауреатов Нобелевской премии. Что его могло связать, к примеру, с Иосифом Бродским? От того, что он тоже еврей, Задунайский писать стихов не научился. Ему было вообще смешно желание соплеменников кичиться чем бы то ни было: хоть даже и сомнительными успехами Эрики Лейбович на ниве «политикал сайнс».

Самуил Аронович вспомнил надписи на памятниках на еврейском кладбище в Ленинграде. Сколько там лежит «кандидатов технических наук Хаймовичей» и разных «профессоров Гинзбургов». Как нравится любящим и скорбящим родственникам высекать на обелисках упоминания о земных завоеваниях на чужбине всяких Айсбергов, Вайсбергов, Айзенбергов и всяких там Рабиновичей. (Интересно, существует ли такая практика в Израиле?) Как будто какой-нибудь заслуженный артист РСФСР Гольдберг после смерти будет съеден особыми, выдающимися червями «for VIPS only»...

И есть ли еще хоть один народ на земле, в котором были бы такие противоречия между религиозной и нерелигиозной его частью. Православные, к примеру, благоговеют перед святыми и старцами. А светские евреи готовы поубивать всех ортодоксальных. Причину такой нетерпимости Самуил Аронович видел в том, что светские неверующие считали, что именно косные и нетерпимые верующие заставили народ уйти со своей земли и претерпеть два тысячелетия гонений и мучений...

Но надо вставать. Осталось еще немного. Задунайский достал из холодильника большой кусок замороженной пиццы и бросил его в микроволновку. Вынул. Съел, не задумываясь о вкусе. Затем он прошел в спальню и просунул руку куда-то далеко на верхнюю полку платяного шкафа. Достал конверт. Посмотрел в него — две бумажки по сто долларов лежали в нем, целые и невредимые. Залез в карман. Добавил сто долларов, заработанные сегодня. Проверил надпись на конверте: «Сергей Задунайский. 300 долларов» — и номер телефона. Самуил Аронович вышел из квартирки и спустился на лифте на второй этаж...

Сборы в апартаменте II-D шли полным ходом. Клара из Харькова наставляла свою внучку Лену из Питера перед возвращением на родину. Она прервалась, чтобы открыть дверь Задунайскому:

— Самуил, заходите.

И продолжила, не стесняясь посетителя:

— Лена, ты же знаешь, как у бабушки болит сердце за тебя!

Клара прижала к груди пухлую руку, украшенную золотым перстнем с рубином явно советского «розлива».

И тут Задунайский несколько оторопел: в руке Клара держала трикотажные трусы огромного — наверное 56, размера. Куплены они были явно еще в России. Самуил Аронович сам не понял, почему вспомнил этот хлопчатобумажный трикотаж в редкий и мелкий сине-зеленый цветочек. Клара поманила Задунайского в комнату. Он вошел. Она протянула ему другую руку, свободную от трусов.

— Вот тут триста долларов для моего сына Сергея, — Самуил Аронович сунул конверт в ее руку. — Вот тут телефон его.

Клара, не выпуская конверта из рук, развернула трусы во всю ширь. И тут Задунайский оторопел: вдоль резинки трусов с внутренней стороны была вручную (видимо, Klarой) вшита белая ситцевая лента. Вертикальными швами она была разделена на кармашки, напоминающая нагрудные кармашки для газырей — элемент грузинского национального костюма. В некоторые отделения чудо-трусов было уже что-то вложено. Клара поместила конверт для Сережи в одно из пустых отделений.

— Самуил, вы понимаете, я так волнуюсь за свою внучку! Леночка у нас такая добрая — никому не может отказать. У нее уже три с половиной тысячи долларов передач в Ленинград! Говорит: «Бабушка, не волнуйся, я положу их в сумку». А как мне не волноваться?! Могу я не волноваться?! Ее же по дороге запросто обчистят!

Из комнаты вышла Лена. Вполне себе такая приличная еврейская девушка лет двадцати. И вовсе не 56 размера.

— Бабушка, ну что ты всем демонстрируешь эти трусы? Ты думаешь, Самуилу Ароновичу интересно на них смотреть? Тебе не стыдно?

— Я их не демонстрирую. Я в них деньги складываю. И я думаю, что Самуилу Ароновичу совсем не интересно смотреть на трусы — он интеллигентный человек. Если бы все были такими, как Самуил Аронович, ты бы ехала без этих трусов — я бы за деньги не волновалась.

— Как это — без трусов, бабушка? — хихикнула Лена.

— Я не сказала, без трусов вообще. Я бы разрешила тебе надеть свои — такие, как ты обычно носишь, — которые попу не прикрывают. Иди — надень. Самуил Аронович, вот вы скажите, почему я не могу волноваться за свою внучку?

— Клара, за кого же нам еще волноваться, как не за своих родных! Моя внучка сейчас в России, и я тоже очень за нее волнуюсь. Как иначе?

— Вот-вот! — Клара обратилась к Лене. — Лена, ты трусы надень. И когда будешь лететь, в туалет не ходи.

Чувствовалось, Лена едва сдерживает смех:

— Бабушка, а как же я восемь часов без туалета? Можно я хоть раз-то схожу?

Клара ненадолго задумалась.

— Ну ладно, сходи разок. Но если в дверь будут стучать, не открывай!

Лена расхохоталась. Она незаметно подмигнула Задунайскому. Он понял, что трусы-сейф будут сняты перед полетом уже в туалете аэропорта.

— Не волнуйтесь, я, как прилечу, сразу позвоню вашему сыну.

— Спасибо вам большое.

Поднимаясь в лифте, Самуил Аронович вспоминал, как еще в Ленинграде его пригласил коллега к себе домой на просмотр суперзапрещенного фильма «Эммануэль». Из довольно нудной картины эротического содержания Задунайский и запомнил-то всего одну сцену: секса в туалете самолета. А что — здорово: ты идешь в уборную в самолете. Тебе стучат — ты открываешь в надежде на бурный секс, как в том кино. А за дверью — вовсе не мускулистый мачо, а обычный вор, который срывает с тебя трусы-сейф бабушки Клары. И как он о них узнал-то? Он говорит: «Забудь свои мечты о жестком самолетном сексе, малютка, мне нужны лишь деньги!»

Нет, если ты заперся в туалете, дверь лучше не открывать!

Конечно, если бы на Лене не было трусов-сейфа и она пошла бы в туалет, дверь стоило бы открыть. Почему бы нет? Вдруг в дверь уборной стучит большая и бескорыстная любовь?

Когда Задунайский вошел в квартиру, было уже четыре часа дня. У Сережи уже двенадцать ночи. Но ничего — он ложится поздно. Надо торопиться — все-таки после двенадцати звонить как-то неудобно. Даже сыну. Сил уже не было совсем. Ничего, Сэм, последний рывок на сегодня. Самуил Аронович взял телефонную карточку и набрал Сережу.

Сергей Самуилович, плотный, румяный мужчина, не старый еще, сидел в кресле перед телевизором. В эти выходные он остался дома: знал, что будет звонить отец. Самуил Аронович так и не освоил программу «Скайп», как и компьютер вообще, поэтому они созванивались по пятницам — раз в две недели. Людмила, жена Сергея Самуиловича, с их дочерью Катей уехали на выходные в их загородный дом. Задунайский-младший иногда любил вот так остаться дома на выходные — поработать на компьютере, привести в порядок документы, подбить баланс. Он был аккуратный человек.

Зазвонил телефон. Сергей Самуилович выключил пультом звук телевизора и снял трубку:

— Алё, пап.

— Сынок, привет, — в это бодрое, звонкое приветствие Самуил Аронович вложил, кажется, последние силы. — Ну как вы там, сынок, в России?

Сын начал раздражаться сразу:

— Да вот, в конюшне я. Вернее, в медведне. Чищу сбрую белого медведя — мы на бурых еще не пересели — холодно. Сейчас поеду на кулачный бой — только сапоги почищу еще да армяк застегну.

Самуила Ароновича также разозлил ернический тон сына, и он тоже съязвил:

— Да уж, вижу, ты в зле и шепоте под иконами — в черной копоти.

— Ну что ты, папочка, какие иконы! Как ты мог так дурно обо мне подумать?! Я тут учу наизусть комментарии Рамбама к комментариям Раши к комментариям реба Зоси к 25 главе Талмуда. Ах, папа, как они все правильно пишут! Особенно Зося!

— Сережа, не Зося, а Зуся. Не путай еврейских мудрецов с польскими женщинами. И знаешь, даже если мы с тобой атеисты, то не стоит уж так иронизировать над верующими. В конце концов, это их выбор. Не понимаю, чем тебе в твоём успешном русском бизнесе мешают талмудисты?

— В русском бизнесе, папа, мне талмудисты не мешают. И я не понимаю, о чем это ты.

— Ой, сынок, ты стал такой русский. Ты должен понимать, что нельзя быть большим роялистом, чем сам король.

— Папа, я повторяю, это ты о чем? Ты мне тут про какие-то иконы с цитатами из Высоцкого. Про мой русский бизнес. Давай еще ткни мне в сотый раз тем, что Люда русская.

— Ладно, сынок, я про другое...

Сергей Самуилович не унимался:

— Ой, папочка, кстати, я тебе солгал, — последнее слово Задунайский-младший произнес с опереточным пафосом. — Я читаю Евангелие от Иоанна и слезами обливаю православный крестик, что ярко блещет на груди моей...

— Сережа, хватит!

— Папа, а чего ради ты звонишь?!

— Я звоню узнать, как у тебя дела. Как бизнес? — между этими предложениями Самуил Аронович практически не сделал перерыва: боялся, что Сережа его перебьет.

— Папа, у меня бизнес идет хорошо.

— Сережа, я не понимаю, почему ты не хочешь жить в Америке, работать инженером, как все нормальные люди. Вот Саша Лейбович...

— Да, я знаю, как Саша Лейбович приехал в США с двадцатью килограммами трусов, зубных щеток и прочих предметов первой необходимости при себе. А сегодня? А сегодня! А сегодня!! Да, ты знал его еще в Питере, и он был скромный доцент. Кстати, папа, ты не выяснил, тетя Хая не оставила ему миллиона долларов? Да, Саша ученый и звезда американской науки, а также король Голливуда и порноидол. А я — говно собачье: шью презервативы для мобильных и ими же торгую. На рынке. На Торжковском. Пью горькую. Сплю с крашеными блондинками.

— Сережа, прекрати! Не мучь меня!

Задунайский повесил трубку. Откинулся на спинку дивана. Закрыв глаза. Нет, все-таки сегодня был чрезвычайно тяжелый день.

Телефон зазвонил. Он взял трубку.

— Папа, давай не будем ругаться. У нас все нормально. Люда с Катей уехали на дачу. Там теплый дом. Летом мы отделали второй этаж. И туалет как в городе. Нет, не во дворе, не с вонючей ямой.

— Как Катя?

— А хорошо. Учится отлично. Растет. С мальчиками пытается кокетничать.

— Ой, Сережа, пришли мне ее фото. Я так скучаю по ней. Она на маму нашу не похожа?

— Что-то есть, папа, что-то есть. Только она посветлее.

— Сережа, ты хочешь, чтоб она училась в России? Ты за нее не боишься?

— Папа, а ты за себя не боишься? В Америке, я слышал, страшная преступность! У вас там орудуют негры-торговцы наркотиками. Страшные, табуированные, с золотыми фиксами. Папа, они тебя не подстерегают?

— Нет, Сережа, меня никто уже не подстерегает. Боюсь, даже самый неразбочивый и слабый физически американский гей-насильник на меня не позарится. Так что я хожу по улицам, высоко подняв голову. И кстати, с золотыми фиксами ходят в России некоторые выходцы из Средней Азии, а не афроамериканцы в США. Ты путаешь, сынок.

Сергей Самуилович засмеялся.

— Папа, ты все такой же. Шутишь. Значит, не все еще так плохо. Пап, летом мы с Людой и с Катей к тебе приедем. Погуляем — обо все поговорим. Мне кажется, тебе надо переехать к нам.

— Нет, Сережа, Рубикон переиден — все пути сожжены... Сережа, какая у вас погода?

— Пап, ну какая-какая. Как всегда в марте. Холодно. Зима еще.

— А у нас уже что-то где-то цветет и местами пробивается. И даже пышным цветом.

Сергей Самуилович засмеялся.

Самуил Аронович вдруг стал серьезен:

— Сережа, у тебя сухие ноги?

— Папа, ты сошел с ума? Ты еще спроси, не мокрые ли у меня штаны и простыни! Ты что, хочешь прислать мне американские памперсы, водонепроницаемые, как плащ-палатка бойца советской армии?

— Ой, Сережа, мне снится все время сон, что мы с тобой, маленьким, поехали в Токсово. А ты в гадких ботинках фирмы «Скорород» и промочил ноги. И нам надо возвращаться домой, чтобы ты не простудился...

Сергей Самуилович не знал, что сказать.

— Сережа, — продолжил отец. — Сережа, тут на днях в Питер приедет от нас девушка. Ее зовут Лена. Она внучка моей тутошной знакомой Клары. Она тебе позвонит. Ты к ней съезди и возьми у нее триста долларов. Сережа, купи себе нормальные ботинки. Чтоб не текли.

— Папа! Ты сошел с ума! Точно. Папа, у меня есть деньги. Папа, у меня, и у Кати, и у Люды полно обуви. Папа, я могу покупать себе любую обувь. Мне ничего не надо.

Самуил Аронович как будто оглох.

— Сережа, купи самые дорогие, самые лучшие. У меня нет сил искать их тут в магазинах... Я не знаю, какие тебе понравятся. Ты выбери сам.

— Папа, ты с ума сошел! Тебе что — самому не нужны деньги?! Зачем ты от себя отрываешь?

— Сережа, я могу себе позволить. Да, мне не нужны деньги.

— Папа, откуда у тебя эти триста долларов?

— Сережа, ты что меня пытаешь, как мать — алкоголика? Сережа, теперь я богатый татуированный негр-торговец наркотиками. Звоню тебе из притона. Слышишь, тут стреляют: это Большой Джо охотится на Родриго Хищного Койота...

— Папа, не валяй дурака. Ты, в твоём возрасте, с твоим здоровьем, зарабатываешь уборками. По тридцать долларов за раз. Десять уборок их засранных домов! Как им только не стыдно. Старого человека... Небось все думают, что я тут тяну с тебя деньги. Ой, папа, ты сошел с ума.

— Сережа, да не десять уборок. Мне сегодня Саша Лейбович дал семьдесят долларов за кран в ванной.

— А — Лейбович. Понятно. А этому низкосракому порноидолу не стыдно, что старый человек его срные краны чинит? У него все ок? Да?

— Перестань, срные бывают не краны, а унитазы. А унитаз я ему не чинил. И вообще, Лейбовичи — хорошие люди.

Тут как будто оглох уже Задунайский-младший.

— А чё? Я не удивлюсь, если он попросит помыть ему унитаз долларов за двадцать. С него станется...

— Ой, Сережа, я чего-то сегодня устал. Хочу спать. Спокойной ночи, сынок. Так ты запомнил? Позвонит Лена...

— Да, папа, я запомнил.

— Пока.

— Пока.

Сергей Самуилович положил трубку и обхватил голову руками. На экране телевизора что-то мелькало, но он не включил звук. И не выключил телевизор вообще. Он перестал его замечать. Так и сидел. Никому ни из его близких, ни из партнеров по бизнесу, ни из подчиненных и в голову бы не пришло, что этот румяный, плотный господин может так отчаянно скучать по отцу...

Самуил Аронович тоже повесил трубку и почувствовал, что отключается. Уже в полусне он немного пошутил сам с собой, произнеся про себя голосом Копеляна, комментирующего «Семнадцать мгновений весны»: «Задунайский знал, что проспит ровно четыре часа. Потом он проснется, выпьет чаю и опять заснет — теперь уже до утра». Самуил Аронович знал, что ему больше не будет сниться сон про поездку в Токсово и ненадежные ботинки «Скорород». Теперь он увидит что-то чистое, теплое, светлое, пусть даже и среди снегов. Наверное, это будет синагога на Аляске.